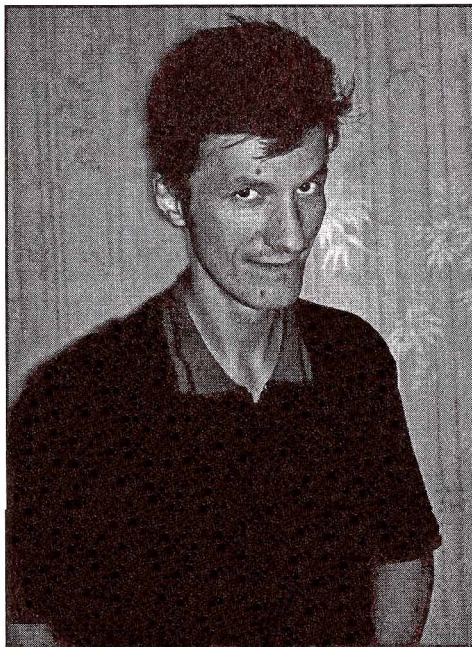

ЛЕГЕНДЫ ХАРЬКОВСКОГО РОК-Н-РОЛЛА

АЛЕКСАНДР ЧЕРНЕЦКИЙ

В этой стране у каждого города — свой рок-н-ролл. Достаточно глупое высказывание с точки зрения тех, кто не принимает в расчет наш ставший уже притчей во языцех менталитет. Вполне естественно, что город Ливерпуль гордится «Битлами», штат Техас — Стиви Рэем Возном, а государство Германия — «Скорпионами». Только это ведь не повод присваивать себе право называть «своими» все «Тутти-фрутти», «Уби-дуби» и «Би-боп а луби» на свете! Но у нас, советских, собственная гордость — и вот уже отечественный культурный лексикон вовсю запестрел странными понятиями «питерский рок», «гродненский рок», «ивано-франковский рок» и т.д., и т.п. И даже если мы, смирившись с положением вещей, возьмем данную терминологию на вооружение, все равно придется признать, что, в подавляющем большинстве своем, все эти рок-н-ролльчики и рок-н-роллишки, живущие, умирающие и снова возрождающиеся к своей жалкой жизни, никому и даром не нужны за пределами родных уездов и губерний ввиду махровой и непреодолимой провинциальности и местечковости. И, как редкая птица долетает до середины Днепра (Волги, Темзы, Нила, Амазонки — ненужное вычеркнуть), так и считанные города доказывают стране, а если повезет, то и миру это самое право на свой рок-н-ролл. И в том, что Харьков оказался среди них, немалая заслуга Сани Чернецкого и группы «Разные люди».

Для автора этих строк жизнь в харьковском роке началась, как ни странно, именно с Александра. Конечно же, была и предыстория: первые опыты в институтовской группе, первые песни собственного сочинения, первые же депрессии (на дворе стояли андроповско-черненкоские заповедные времена...). Черту под всем этим подвела Советская Армия. Дембельнувшись в 1986 году и вернувшись в родные пенаты, я с удивлением обнаружил себя виртуальной рок-звездой местного масштаба: пока я был в сапогах, в городе образовался рок-клуб, а мои соратники по доармейским играшкам стали в нем заметными величинами, исполняя репертуар, на треть состоящий из моих старых песен, и цинично подогревая интерес к своей группе загадочными намеками на то, что вот-вот вернется крутой парень, и тогда-то мы всем покажем. Я же, грешным делом, их надежд не оправдал, ибо на первом же концерте, на который был почетно препровожден с целью скорейшего ознакомления с расстановкой сил на харьковской рок-сцене, услышал Чернецкого и его группу «Рок-фанат».

В том, что играли эти парни, не было и намека на музыку, с которой Саша спустя всего-лишь пару лет спустя покорил страну: это был шумный, дворовой «тяжелый металл». Тексты были, в общем-то, самые обычные, хотя и с погугами на злободневность и актуальность, в духе времени... Это был всего второй концерт «Рок-фаната», но случилась уди-

вительная вещь: с первой же ноты они так взяли зал за глотку, что ошалевшая толпа чуть было не разобрала площадку на мелкие запчасти. И это была не тупая вахханалия заведенных малолеток — в те времена на концерты в основном ходили вполне взрослые, музыкально подкованные люди, не большие любители плебейского «металла», между прочим. Но именно они орали, как дети, и вскакивали ногами на скамейки. Никто не мог понять, в чем дело, но теперь-то я знаю, что это было — мы стали свидетелями полевых испытаний Санной харизмы.

На следующий день мы встретились с Чернецким в какой-то замызганной кофейне, распили из-под полы с трудом купленную за две цены (уже вовсю бушевал легендарный горбачевский указ) бутылку портвейна и таким образом познакомились. Я предложил ему свои услуги в качестве соратника по классовой борьбе, и он, недолго думая, согласился. В честь начала новой жизни было решено переименовать группу в «Рок-фронт», и уже спустя месяц мы дали первый концерт. Более года продолжалось наше сотрудничество. Мой виртуальный блеск приобрел более человеческий оттенок, а Саня начал писать песни, которые с трудом вписывались в стиль группы. Он съездили в Питер, где услышал Башлачева и Шевчука, подышал тамошним воздухом, и его зацепило. Стало все трудней и трудней совмещать наши творческие усилия. Но я был пафосен и авторитетен,

группа была за меня, а Чернецкий постепенно терял желание биться лбом о стену. Тут-то и подошла его знаменитая поездка в Ригу совместно с лидером харьковской же «Группы Продленного Дня» («ГПД») Пашей Михайленко и известным тусовщиком и музыкантом Костей Костенко (кстати, моим одноклассником и сотоварищем по уже упоминавшемуся доармейскому периоду в музицировании). В латвийской столице они, отдыхая и распевая на улицах свои песни, дабы заработать на пиво с рыбой, были услышаны местным рок-функционаром и приглашены выступить на проходившем в это время фестивале, где и произвели фурор. Никому не известная, словно с неба упавшая харьковская троица заняла второе место, уступив лидерство свердловскому «Чай-фу», но оставив за спиной кучу тогдашних крутяков, включая и питерскую звезду первой величины «Телевизор».

Вернувшись домой, Чернецкий вживлю с нами распрощался и примкнул к «ГПД», которые моментально завязали с «тяжелым» прошлым и переключились на новый Саннин и частично Пашин материал. Первую их программу составили те самые песни, которые мы полгода назад забраковали для «Рок-фронта». Я гордился своей принципиальностью и последовательностью, остальные склонялись ко мнению, что я идиот, хотя, как выяснилось позже, одно другого вовсе не исключает. Как или иначе, но с той поры я получил возмож-

ность наблюдать за непросто судьбой Александра Чернецкого и как бы со стороны, и, в то же время, на правах человека, который знает много того, что неизвестно широкой публике. И беззастенчиво этим пользоваться, чем я в данный момент и занимаюсь.

Влет «ГПД» был стремителен. Не раз в течение ближайших месяцев я сидел в переполненных залах и кушал локти, глядя, как народ сходит с ума под «Рабочий рок-н-ролл» или «Любер», об которые я не так давно чуть ли не вытирал ноги. А еще «рок-фронтвских» времен акустический хит «Россия» (теперь уже электрифицированный), который вполне мог в то время заместить гимн СССР — как по степени воздействия на толпу, так и по любым другим мыслимым и немыслимым параметрам.

Прожила «ГПД» чуть больше года, обезвдив всю страну, оставляя за собой даже не хилую державинскую тропу, а широченную просеку фанатичной народной любви. Вышло два магнитоальбома: «Положение дел» и «Городской психдиспансер», не считая десятков ходящих по рукам концертных записей. Апогеем этого этапа деятельности группы стало выступление на VI фестивале ленинградского рок-клуба, где Чернецкому подпевала многотысячная толпа рок-маньяков, съехавшихся со всего «совка», чтобы послушать новое харьковское чудо. Кстати, приблизительно в то же время произошло и другое, менее заметное событие, которому тогда никто не придал особого значения: на горьковском фестивале наша «ГПД» схлестнулась с одноименной «Группой Продленного Дня» из города Дзержинска, а пел в ней некий Сергей Чиграков по прозвищу Чиж. Выпив изрядное количество алкоголя за знакомство, парни разсехались по домам, но друг друга запомнились и связи с тех пор не теряли, встречаясь время от времени на других подобных мероприятиях.

В конце 1988 внутри группы произошел раскол, причины которого не суть важны, а важен результат: в новый, 1989 год, группа вошла без двух своих оригинальных участников и с новым барабанщиком. Состав стал выглядеть следующим образом: Александр Чернецкий — вокал, акустическая гитара, Павел Михайленко — бас, вокал, Олег (Клим) Клименко — гитара, вокал, Алексей Сечкин — барабаны, вокал. Кроме того, было решено вернуться к названию «Разные люди». Первое выступление на фестивале «Рок против сталинизма» было крайне неудачным, и недоброжелатели стали радостно группу хоронить. Но появление прекрасных новых песен, среди которых выделялись (опять же на мой взгляд) леденящая кровь «Волкодав» и могучий «Черный ворон», показавшие, что группа переросла стадию примитивных агиток (эту тему закрыл совершенно гениальный тяжелый ритм-энд-блюз «Бардак», своеобразный прародитель сегодняшнего фирменного стиля Чернецкого) и вернувшие ей горячую любовь народных масс. И все бы было хорошо, если бы не одно «но»...

Еще в пору позднего пионерства, плавно переходящего в раннее комсомольство, профессионально занимаясь футболом, Саня получил тяжелую травму спины, прогрессирующую в болезнь Бехтерева — ту самую, что на многие годы приковала к постели писателя Николая Островского и которую он передал по наследству своему герою Павке Корчагину. Но рок-н-ролльный образ жизни с его веч-

ными гастрольями, бытовой необустроенностью, отсутствием какого-либо режима, да и, чего греха таить, довольно частым злоупотреблением известно чем плохо сочетался с расписанной по минутам чрезвычайно строгой процедурой лечения. Результат не замедлил сказаться: начались многочисленные осложнения, в течение нескольких лет превратившие Чернецкого в инвалида.

Но Саня не был бы Саней, если бы это смогло так просто его остановить. Мои наблюдения времен наших войн за репертуар и путь развития «Рок-фронта» подтвердились: под внешностью мягкого, бесконфликтного парня скрывается железный характер

дядя в питерской больнице и отдыхая после лечения дома, Чернецкий записал два очень сильных акустических альбома «Вера» и «Боль». О чем были песни, вошедшие в них? О боли, физической и душевной, и о вере в то, что она когда-нибудь пройдет. И, наверное, о том, что даже если этому не суждено сбыться, жизнь все равно будет продолжаться потому, что «жизнь просто стоит того, чтоб идти и дышать...»

Чтобы выжить, «Разные люди», по Сашиному же предложению, пригласили в Харьков Чиж, совершенно уже отчаявшегося в своем бандитском Дзержинске. Тот дважды себя просить не заставил. Слияние

Это мы с Саней осенью 1986 года

человка, который знает, что он делает, ради чего он это делает, и чем готов за это, если понадобится, заплатить.

А платить пришлось огромной ценой. Чернецкий переживался с трудом, и каждый выход на сцену давался ему титаническими усилиями. Это было похоже на какой-то жуткий ритуал: Паша и Клим появлялись на сцене первыми, подключали свои инструменты, потом выносили Сашину гитару, проверяли его микрофон и замрали в ожидании, в то время как под кровавый вой фэнов на сцену на костылях выползал смущенно улыбающийся Саня, прислонял их к специально приготовленному стулу, перекидывал ремень через плечо, всем телом разворачивался к группе, давал команду начинать и больше часа рубился на сцене, хотя, наверняка, боль испытывал при этом страшную. А когда он уже практически не мог ходить, то продолжал играть концерты, полулежа на этом самом стуле. В том же 1989 году, нахо-

шло успешно: грустно-стесненные, мелодичные и легко запоминающиеся хиты Чижка удачно оттенили мрачные песни Чернецкого. Записанный на Останкино альбом «Дезертиры любви» объединил материалы Саши, Чижки и Паши и стал событием 1989 года. Но радость этого события омрачалась ухудшением Саняного здоровья. Альбом «Мазохизм» он записывал, уже не вставая с постели. Специально пригнанная из Москвы передвижная студия стояла под его домом, а кабели затаскивались в квартиру на десятом этаже через окна. Принимать участие в концертах, тем более выездных, он уже не мог, и место у микрофона полностью оккупировал Чиж. С одной стороны, это расширило круг поклонников «Разных людей», ибо сладковато-прихиплованная, с элементами дворцова фольклора продукция последнего легче доходила до среднего ума, чем неуютные, суицидально окрашенные и, прямо скажем, страшноватые песни Чернецко-

го. Но, с другой стороны, группа потеряла свой могучий драйв и широту музыкального диапазона, дав крен в сторону массовости, что разочаровало многих старых фанов.

В это время ведущие музыканты страны при поддержке масс медиа, вплоть до популярнейшей программы «Взгляд», развернули кампанию по сбору денег на Сашину лечение в Европе. «ДДТ», «Аквариум», «ГО», Александр Градский дали серию концертов по стране, перечислив все сборы на специальный счет. Группы харьковского рок-клуба тоже не остались в стороне — два аншла-

Мы же плюс Чиж и группа товарищей, 1994 год

говых концерта прошли в конце 1990 года в ККЗ «Украина». На Германию денег не хватило, но ведущая ортопедическая клиника Питера взялась за операцию, и Саня постепенно начал вставать на ноги. Передвигался он по-прежнему с трудом, опираясь на палочку, но это не шло ни в какое сравнение с его жутким состоянием годичной давности. Вернувшись в группу, он застал не очень хорошую ситуацию: культ Чижки рос и ширился по всей стране, и «Разные» все больше скатывались к роли аккомпаниаторов. Да и чигравские песни (на вкус бескомпромиссного Чернецкого) были, как бы это выразить, недостаточно рок-н-рольными (кстати, «рок-н-рольно» — любимое Санино выражение, которым он описывает все: от музыки до женщин). Назревал очередной раскол, который долго ждать себя не заставил: Чиж принял предложение переехать в Питер, а Чернецкий остался дома с «Разными людьми». Но перед этим они все же успели выпустить отличную пластинку «1992», ставшую как бы итогом их совместных усилий периода, последовавшего за «Дезертирами» (в нее вошли хиты Чижки «Ты был в этом городе первый» и «Шалула», а от Чернецкого — одна из моих любимых у «Разных людей» песен «Дальнейбой», баллада «Ангел», ну и, конечно, много чего еще хорошего), и записать на одной из киевских студий альбом «Буги Харьков», который позднее вошел в дискографию Чижки, но без песен Сани. И на том, как говорится, спасибо. Новые песни подтвердили статус Чернецкого как одного из сильнейших в стране рок-поэтов с широчайшим диапазоном: от грубого уличного стиля до тончайшей лирики.

Не выдержав неопределенности и безденежья, группу покинул Леша Сечкин (правда, через два года он вернулся назад). В промежутке между этими двумя событиями — редкие выступления на фестивалях, пара-тройка телесъемок и даже запись в Москве альбома «Насрать» со студийным барабанщиком за ударной установкой. Вышла очень жесткая пластинка, начисто освобожденная от любой народности и распе-ности. В лирике Саша отказался от полити-

ческих комментариев и критики окружающей действительности, оставив это процветающему в Питере Чижу и Ко. Взгляд его полностью обратился внутрь себя, темой новых песен стали эмоции и переживания — не очень приятные, но подлинные. Сделал Чернецкий и окончательный музыкальный выбор: грязный, сырой ритм-энд-блюз с элементами панка и классического харда. Паша и Клим как аранжировщики разбавили все это небольшой дозой модного альтернативного звучания. Получилось здорово, но избалованная задушевым чижовским репертуаром публика не приняла нового лица группы, и наступили тяжелые времена.

Записанный в Питере в студии театра «ДДТ» альбом «Не было» (1996) так и не был доведен до ума. Клим начал поигрывать на стороне, открыв свою студию, которой стал отдавать большую часть времени, и, в конце концов, покинул группу. Павел с головой ушел в бизнес... И Саня вынужден был поставить если не точку, то, по крайней мере, многоточие в конце харьковского этапа жизни своей и «Разных людей». В конце 1999 года он переезжает в Питер, где оказывается приятно удивлен тем фактом, что достаточно количество людей его все еще помнит и любит. А учитывая, что кое-кто из этих людей кое-что в жизни добился, им вполне по силам помочь кумиру своей рокерской молодости...

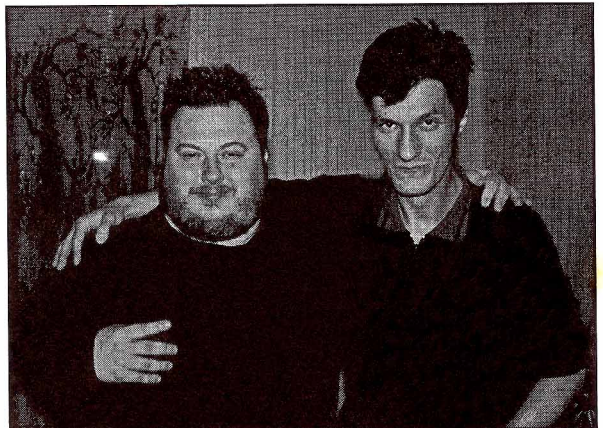
Месяца два назад Саня заехал на неделю в родной город и мы с ним пообщались. Вторая часть этого общения читателей вряд ли заинтересует, так как она в основном свелась к невнятным тостам, безудержной икоте, ненормативной лексике и периодически задаваемым друг другу вопросам из серии: «Ты меня уважаешь?». А вот из первой я почерпнул массу интересного, чем с радостью готов с вами поделиться.

В Питере Чернецкому нравится. Живет на квартире у друзей с их любезного разрешения. Много пишет. Периодически выступает в клубах. К сожалению, платят в питерских заведениях не так, как в московских, но на жизнь хватает. В восторге от местного менталитета: даже в казино звучат Элвис Пресли и «Битлз». Неожиданно помирился с Чижом, на которого долго обижался за то, что уехав из Харькова, тот на много лет «забил» на группу, которая его вскормила. Оказалось, что Чиж отнюдь не зажался, по-прежнему пох и п о в с к и прост в общении и совсем не пафосен. Очень помогает Сане осваиваться в местной музыкальной среде, привлечь в аккомпаниру-

ющий состав, унаследовавший гордое имя «Разные люди», многих известных музыкантов: барабанщика Боря Шавейникова из «Аукциона», гитариста Андрея Васильева (экс — «ДДТ») и басиста Наюля Кадирова, переигравшего с половиной питерских звезд, но, что самое главное, в прошлом — участника легендарного «Зоопарка». Играет в группе и сам Чиж давно еще один бывший харьковчанин — губной гармонист Саня Гордеев, здесь работающий с «Утром», «Дождем» и «Разными людьми», ныне — директор известной питерской группы «Король и шут». Именно благодаря гордеевскому административному напору выпущен записанный совместно Чернецким и Чижом альбом «Comeback». Добряк Саня не нарадуется тому, что между ними снова мир, но многие скептики считают, что выдохшийся и изрядно подрастерявший популярность Чиж просто видит в их сотрудничестве свой второй шанс или, как минимум, источник вдохновения. Впрочем, речь у нас идет не о Чижке, а что касается Чернецкого, то в числе его последних успехов — пятидневный сольный тур по Израилу (именно оттуда Саня завернул в Харьков) и серия концертов в клубах и кинотеатрах Москвы, в промежутке между которыми он с группой стал гостем программы Дмитрия Диброва «Антропология», выходящей на «НТВ». Многие харьковчане имели возможность посмотреть этот жизнеутверждающий беспредел в ретрансляции на канале «Simon» в ночь с 23 на 24 ноября и еще раз взгрустнуть о том, что не живется и не поется на берегах Лопани нормальным людям.

Выводы из всего прочитанного вы, дорогие читатели, будете делать сами, но для тех, кому интересно мое мнение, скажу следующее: если бы мне поручили определить высшую точку рок-н-рольности в этой жизни, я выбрал бы не милую улыбку Джона Бон Джови и не наглый скейпал Мика Джетгера или Эскла Роуза... И уж, наверное, не специалистом по уходу любви и приходу блюза Чижки, которого я, тем не менее, тоже по-своему люблю и уважаю, впрочем, как и всех вышеперечисленных граждан. Ведь блюз поют не только на сборе хлопка в дельте Миссисипи или на принудительных дорожных работах в штате Алабама. И мне нравится, как это делает здесь, у нас, хороший парень Саша Чернецкий, которому всегда рок-н-рольно!

Сергей «СЭР» ЩЕЛКАНОВЦЕВ

И снова мы осенью 2000 года

